

Проблема двойственности в контексте компаративистских исследований¹

И.А. ГЕРАСИМОВА

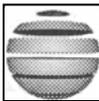
В статье на примере дискуссий антропологов рассматривается отношение к противоположностям в качестве одного из ментальных критериев культурных различий. Развивается концепция, в основе которой лежит идея сопряженности среды (природной, культурной), опыта, телесности, сознания и языка. Рациональные философские систематизации Востока и Запада, анализирующиеся автором в терминах холистического и аналитического стиля мышления, сопоставляются с соответствующими культурными практиками.

Ключевые слова: *двойственность, холистический стиль, аналитический стиль, культурные практики, Запад, Восток.*

Начало широкому обсуждению вопроса о двойственности/недвойственности мышления положили антропологические исследования первой половины XX в. Получили широкую известность концепции «прелогического мышления» (Л. Леви-Брюль), «мифологического мышления» (К. Леви-Стросс), «архаического мышления» (М. Элиаде) и др.² С методологической

¹ Работа выполнена при поддержке РФНФ. Научное исследование по теме: «Взаимодействие восточной и западной культурных моделей: теория и практика», грант №09-03-00173а.

² См.: Леви-Брюль Л. Сверхъестественное и природа первобытного мышления. М., 1937; Элиаде М. Космос и история. М., 1987. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1985.

точки зрения именно отношение к противоположностям определило критерий различия архаического и современного типов мышления. Основной вывод антропологов и культурологов гласил: архаическое мышление, широко используя бинарные оппозиции (свет/тьма, белое/черное, друг/враг и пр.), имело дологические формы, оперировало оппозициями в целостно-образных формах, прибегало к стратегиям медиации в целях сглаживания конфликтности, не было чувствительно к противоречиям аналитического типа. В логико-вербальном мышлении коррелятивные стратегии продолжают иметь место, но в то же время действены стратегии, основанные на «противоречивой противоположности» (белое/не-белое, истинно/не-истинное), которые известны как принцип логической непротиворечивости. Новая волна дискуссий развернулась в компаративистских исследованиях западных и восточных культур, в вопросе о стилях мышления стало общим местом проводить демаркационную линию между западным и восточным мышлением как мышлением двойственным и недвойственным, соответственно³. В широком смысле под двойственностью понимается мышление оппозициями, в более узком значении двойственность связывают с противоречием (логической противоположностью), тогда как недвойственность мыслится как целостность, причем целостность может иметь градации – от тождества противоположностей (абсолютного единства) до двуединства противоположностей или дополнительности (единства множественного). В когнитивном подходе в эпистемологии распространена модель левополушарного и правополушарного мышления, с помощью которой проводят различия между логико-вербальным (аналитически-двойственным) и образно-символическим мышлением (целостным, недвойственным)⁴.

Можно сказать, что двойственность/недвойственность – один из важнейших критериев проведения культурных различий. При этом обычно апеллируют к различиям в языке, в менталитете, к роли невербальной коммуникации. На мой взгляд, эти условия необходимы, но недостаточны. Они рисуют общую картину крупномасштабно, схематично, но при более детальном рассмотрении обнаруживаются существенные непрорисованные нюансы. Ис-

³ См.: Бескова И.А. Природа двойственности. Князева Е.Н. Холистическое мышление: синергетика и Восток // Противоположности и парадоксы. М., 2008.

⁴ См.: Меркулов И.П. Эпистемология (когнитивный и эволюционный подход). Т. 1. СПб., 2003.

ходной посылкой для настоящего исследования стал принцип сопряженности среды (природной, социокультурной), генно-культурного аттрактора, опыта (практик), мышления и языка. Взаимозависимость языка, мышления и мира признается большинством, но не столь широко распространен взгляд о сложной взаимозависимости типов опыта с типами реальностей и типами психо-ментальных структур, обеспечивающих определенный опыт. При рассмотрении культурных различий и особенностей не менее важно учитывать точку зарождения той или иной исторической общности, в нашей терминологии – генно-культурный аттрактор, задающий потенциал культурной общности, ее возможную разверстку во времени. Понятие генно-культурного аттрактора призвано соединить воедино природно-биологические, биофизиологические, психоментальные и языковые факторы. На языке современных подходов к телесности можно сказать, что в данном понятии среда-тело и психика-сознание соединяются по принципу дополнительности как аспекты единой целостности.

Генно-культурный аттрактор также можно мыслить как *эйдос общности*. В отношении когнитивной эволюции человека известный биологам феномен преадаптации проявляется в природе гениальности. Способности гениев обычными людьми могут восприниматься как сверхестественные, экстрасенсорные, паранормальные, но если когнитивное развитие идет по восходящей линии, то не исключено распространение той или иной особой способности среди большинства людей. Так, в образе героя-супермена идеально суммировались черты «сверхестественных» способностей для настоящего, но, возможно, вполне естественных для будущего. В масштабе культуры как целого преадаптационную роль могут играть периферийные, воспринимаемые порой как маргинальные, локальные практики, отрабатывающие приемы интенсивных психотехник. Медитативные практики относятся к последнему типу. Принимая во внимание ритмику когнитивной эволюции, стоит различать основы древних и современных созерцательных практик. Выглядит правдоподобной гипотеза о том, что повышение интереса к восточным созерцательным практикам, к невербальной коммуникации в целом, связано с особой ритмикой когнитивного развития, в которой повышение чувствительности выходит на гребень волны после примерно трехтысячелетнего периода эволюционной «проработки» аналитической способности. При этом закон спиральной цикличности не допускает примитивного повтора: современный когнитивный тип человека немислим без развитого речевого сознания, что нельзя сказать относительно древних бессознательных практик.

Вернемся к проблеме двойственности. Если антропологи и культурологи обратили внимание на эту проблему сравнительно недавно, то для философии это старая проблема, известная как проблема соотношения единого и множественного, а для логических исследований один из важнейших аспектов ее изучения был связан с проблемой логической непротиворечивости. В свою очередь антропологические и культурологические исследования выявили новые ракурсы видения старой проблематики. На мой взгляд, последнее связано с пристальным вниманием к культурным практикам, порождавшим те или иные философские представления. Прежде чем исследовать проблему двойственности в контексте культурно-исторических практик, определимся в терминологии.

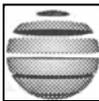
В концепции, развиваемой автором, предлагается различать стратегии мышления, опирающиеся на *аналитику*, *диалектику*, и/или *холистический подход*. Аналитика как стиль мышления базируется на стратегиях дискретного, логико-вербального мышления. Анализ как аналитическая операция предполагает разделение противоположностей (аналитическая двойственность), аналитическая операция синтеза соединяет противоположности (двуединство, дополнительность, единство множественного). В диалектике как концепции развития акцент делается на взаимодействии противоположных начал. В современном аналитическом мышлении представимы и диалектические, и континуальные стратегии. Холистический подход имеет разновидности: (1) стратегии мышления на основе монады или целостности, в таком случае говорят о последовательном монизме или тождестве противоположностей; (2) стратегии мышления на основе диады, которые соединяют противоположности и выявляют роль равновесия и нейтралитета (двуединство, дополнительность); (3) стратегии на основе триединства сущностной основы и поляризующихся начал. Дуализм означает принципиальную несводимость одной оппозиции к другой, причем дуализм может иметь холистические трактовки по типу синтеза или дополнительности (дуализм частицы и волны в физике) и нехолистические, когда ярко выражена непримиримость двух начал (точек зрения, позиций и т.п.) и делается аналитический выбор одного из них. Из сказанного становится ясно, что границы между выделенными понятиями довольно прозрачны, а их конкретный смысл скорее определяется контекстом употребления. История мышления свидетельствует о множественности стратегий, задействующих принцип противоположностей. В этой множественности можно выделить основные направления, сопря-

женные с опытом, средой, установками сознания и качеством мышления.

АНАЛИТИЧЕСКИЙ СТИЛЬ

Описание особенностей мышления начнем с ценимого на Западе аналитического стиля. Когнитологи сходятся во мнении о когнитивной причине, породившей западноевропейскую рациональность и науку: развитие логико-вербального мышления, левого полушария мозга, распространение линейной письменности. Эти факторы характеризуют только два из выделяемых нами аспектов – мышление и язык. Не останавливаясь пока на социокультурных особенностях, выделим сущностную характеристику, прямо сопряженную с логико-вербальным мышлением. Это – установка сознания и опыта *вовне*, на окружающий мир. Аналитический стиль мышления сопряжен с очевидностью, здравым смыслом и природной вещной средой. Дискретное мышление порождает классическую рациональность, в качестве характеристик которой исследователи выделяют: объективность окружающего мира, относительную устойчивость физических объектов и их дискретность (вещественный уровень физической реальности), познаваемость мира физическими чувствами и интеллектом, отражение законов природы в сознании человека, связь теории с практикой, практику как критерий истины (в классическом естествознании – опора на эксперимент, который доступен и повторяем), неизменность законов природы. Опыт, приобретаемый во взаимодействии человека с внешней природой, формирует и развивает когнитивный аппарат, приспособленный именно к этому виду опыта. Относительная устойчивость и дискретность объектов мезоуровня физической реальности соотносится с дискретностью словесной речи, дискретностью и относительной устойчивостью ее грамматических и логических форм. Человеческое сознание воспринимает и понимает смысл главным образом через интеллектуально оформленную речь. При этом осознание достигается путем упрощения, с когнитивной точки зрения связанного с отбрасыванием излишней информации. Важнейшая логическая операция в отношении понятий, которые можно понимать как концентрации смысла, – определение. Определить понятие (или внести определенность) и означает «положить предел», выделить предмет мысли путем его ограничения. К достоинствам аналитичности можно отнести кристаллизацию смысла, идеально представимого в четких формах. Относительно медленная работа видимого, поверхност-

ного слоя психики на уровне сознания вполне скоррелирована с дискретным языком.

Для аналитического стиля вполне естественно разделение противоположных начал. Установки и принципы классической науки сочетаются с принципами классической логики. Последствием принятия бинарного языка из двух значений высказываний истинно и ложно стали основные законы классической логики – закон тождества, закон противоречия, закон исключенного третьего, закон достаточного основания. Совокупное применение этих законов обуславливает такие качества мышления, как определенность, непротиворечивость, последовательность, обоснованность. Эволюция аналитического мышления в научном познании рассматривается как смена типов рациональности, тенденции будущего усматриваются в становлении особого синтетического мышления – *синтеза на основе развитого анализа*. Эти тенденции отражаются и в развитии современной логики, где широкое распространение получают модели на основе неклассических логик, пересматривающих классические принципы, а также понятия логического следования и логической истины.

Аналитический стиль порождает *дуализм* – способ мыслить качества, вещи, процессы принципиально раздельно. С когнитивной точки зрения, дуализм оправдан физической телесностью человека: действие в мире вещей всегда телесно, человек вынужден выбирать один из вариантов действия. Яркое в истории культуры зороастрийское дуалистическое миропонимание в своей основе исходит из плотно-телесной онтологии: выбор между добром и злом неизбежен, ничего нейтрального нет.

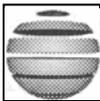
ХОЛИСТИЧЕСКИЙ СТИЛЬ

При всем разнообразии холистических стратегий, можно выделить в них общую черту – принцип противоположностей осмысляется в контексте различий единого и множественного, целого и части. В случае бинарной оппозиции уместно говорить о двуединстве или дополнительности. Понятие дополнительности распространяется и на множественность: феноменальное разнообразие собирается сущностным единством, части дополнительны по отношению друг к другу и к целому. С когнитивной точки зрения с целостными, сценарными стратегиями связывают работу правого полушария головного мозга, в таком случае говорят о пространственно-образном мышлении. Однако это только один из аспектов видения проблемы.

Категории единого и многого, единства и многообразия (разнообразия) в философских дискурсах появились гораздо раньше категории логического противоречия. Можно выдвинуть гипотезу: они привнесены в рациональное мышление при попытках философского осмысления медитативных практик древних посвященных. Этот вывод напрашивается при анализе и мифологических, и философских текстов как Ближнего, так и Дальнего Востока. При изучении сохранившихся до сих пор религиозных и философских традиций, задействующих медитативные практики, бросается в глаза их многоплановость в отношении обращенности к последователям. В одной традиции можно выделить несколько разветвлений: высший, эзотерический круг составляли учителя и мастера школ – адепты, достигшие высокого уровня развития сознания; средний, экзотерический уровень приходится на образовательную систему – школы, монастыри и пр., низший уровень обращен ко всем простолюдинам. Систематизация знаний на образовательном уровне востребовала развитость интеллектуальных способностей, знания «оседали» в религиозных представлениях и философских рефлексиях. Простолюдинам же лучше всего было что-то объяснить на доступном языке всех времен, изъясняясь образами, афоризмами, притчами, мифами. Представления о единой основе всего сущего входят в *main stream* восточных культурных традиций. Однако с когнитивной точки зрения стоит отличать образное обыденное мышление от развитых практик творческого созерцания, непосредственного переживания, понимания, восприятия. Можно научиться во внешнем мире усматривать единство в многообразии или на философском уровне размышлять о субстанциональности мира, но другое дело – непосредственное переживание единства во внутренних, *психических реальностях*.

Высшие смыслы понятия «адепт» в качестве обязательного условия включают: способность сознательного управления всеми внутренними психическими процессами, способность синергии – слияния сознаний в целях саморазвития и сотворчества (как равных по уровню, так низшего и высшего – ученика и учителя). В последнем случае единство реализуется практически как единение, творческое слияние сознаний, причем без потери индивидуального самосознания. В *main stream* культурной жизни синергия в иной степени представлена в феноменах коллективной мобилизации – интеллектуальной (например, «мозговой штурм»), психоэмоциональной (хоровое пение, ритуальные служения), психоволевой («коллективное усилие в противостоянии врагу»). Можно выдвинуть гипотезу: с глубокой древности понимание значения единства множественного привносилось в обыденное, а затем фи-

лософское сознание учителями духовных школ. Постигание единства многообразного достигалось при установке сознания *вовнутрь* в работе с глубинными структурами психики.

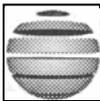
Отличительная черта холистического мировоззрения связана с установкой на *энергийное*, а не вещественное мировосприятие. В вещественном мире относительно устойчивых тел и форм мышление привыкает к определенности, очерченности границ. При известном упрощении ему удастся добиться ясности, которая в свою очередь служит предпосылкой понимания и осознания. В окружающем мире твердых тел мыслящее сознание способно одно отделить от другого, сконцентрировать свое внимание на одном. Негативной стороной достижения ясности за счет аналитики становится односторонность – плотная телесность не позволяет видеть все одновременно и сразу. Анализ медитативных и телесно-ориентированных практик позволяет сделать вывод о том, что философские установки и принципы восточного мышления закладывались и развивались на психофизической основе медитативно-ориентированных практик, практики изначально предполагали работу с внутренними энергиями тела и сознания (в контексте восточного менталитета правильной будет сказать «тела-сознания»). Ощущение относительно устойчивой вещи сменяется представлениями о процессуальности, постоянной изменчивости.

Энергии, какими бы потенциально мощными они ни были, в мире как целом регулируются законами, поддерживающими порядок и развитие этого целого. Прежде всего, это *законы гармонии* – согласованности в аспекте структуры (пространства) и согласованности в аспекте ритмов всеобщего движения и эволюции (времени). Должно быть нечто устойчивое в мире переменной текучести. Отсюда категории (глубинного, внутреннего) *покоя* и *неподвижности* берутся за основу, а категория движения становится вторичной. Но не стоит обольщаться – покой вовсе не отрицание движения как такового. Успокаивается внешнее движение – ума, чувств, желаний, обслуживающих отношения с окружающим физическим миром в целях воспитания восприимчивости к внутреннему движению в психических реальностях. При статическом понимании покой мыслится как готовность к реакции в любое время и в любом месте (например, постоянная бдительность мышления), при динамическом понимании – покой или неподвижность – состояния равновесия при напряжении всех психических и физических сил. Принцип гармонии связан с принципом противоположностей непосредственно: *если нарушено равновесие, то вступает в силу закон действия и противодействия*.

При предпосылке об иерархическом строении и человеческого микрокосма, и вселенского макрокосма, когда изначально имеется высшее и низшее, человек и его жизнь как часть неизбежно должны вписываться в иерархически высшее целое. Встают вопросы гармонии и в отношении к внутренней жизни человека как к целому, и в отношении к социуму как целому, природе как целому, планетарной целостности, видимому и невидимому космосу как целому. Идея *целостности* становится отправной точкой отношения к противоположностям. Там, где целостность распадается на множество несовершенных форм (миры плотно-физической организации) противоположные силы разъединены, конфликтуют между собой., торжествует принципиальный плюрализм, полосы мира сменяются враждой. Для более совершенных сознаний противоположности действуют как части единого целого, дополняя друг друга в сотрудничестве, взаимно обогащая творчески. Путь развития духовно совершенных сознаний мыслится как путь синергии, творчества в слиянной согласованности с универсально-космическим целым. Синергичная целостность неразрывно связана с *логикой синтеза*, которую стоит рассматривать как особый опыт творческого мышления (созерцания), выводящего (и сводящего) все многообразие проявленного мира из *единой сущности* (в единую сущность), содержащую все потенции проявления. На самом высшем уровне сознание адепта духовной школы восходит до переживания первоосновы мироздания, осмысляемой в восточных философиях в понятиях «чистоты» или «пустоты» – состояния сознания без форм. Это уровень абсолютной недвойственности или тождества противоположностей.

Представленные в культуре *стратегии диалектики* по сути дела представляют собой применимость энергийного холистического мышления к противоположностям: *два противоположных начала взаимодействуют, порождая третье*. Мир изначально динамичен, жизнь немыслима без движения, абсолютного покоя нет, движение через поляризацию начал обнажает извечно творческое начало бытия. В вечном движении с древности осознаются законы ритмов и циклов, первейший из которых – закон спирального развития – перманентный эволюционный процесс протекает спирально – с восходящими и нисходящими циклами, ассимиляцией накопленного в фазовых переходах. Каждый новый виток на высшей точке цикла резонирует с полярной точкой предыдущего, воспроизводя в обновленном варианте некоторые характеристики последнего.

АНАЛИТИЧЕСКИЙ СТИЛЬ В ЗАПАДНЫХ И ВОСТОЧНЫХ КУЛЬТУРНЫХ МОДЕЛЯХ

В западной традиции наиболее четко аналитическое мышление впервые проявилось в индивидуальном когнитивном стиле Аристотеля. Стиль мышления Стагирита являет собой яркий образец аналитичности, ориентированной на познание объективного, существующего независимо от сознания, мира вещей. В «Категориях» постулируется первичность бытия по отношению к познанию и речи, из чего последовательно вытекает корреспондентское понимание истины: «Верная речь ни в коем случае не есть причина бытия вещи, однако вещь, по-видимому, есть некоторым образом причина истинности речи: ведь в зависимости от того, существует ли вещь или нет, речь о ней называется истинной или ложной». (Категории, (12, 14b 15-20)⁵. Воспринимаемый физическими чувствами мир – эталон для сознания человека, в отношении которого иные психические состояния понимаются Стагиритом как иллюзии. Внешний мир по Аристотелю организуется аналогично внутреннему, законы мысли и законы бытия совпадают. Законы логики, предназначенные для изучения достоверного – сущности вещей, имеют онтологический статус. Закон противоречия (непротиворечия) Аристотель формулирует как закон познания и бытия: «Невозможно, чтобы одно и то же в одно и то же время было и не было присуще одному и тому же в одном и том же отношении» (Метафизика, кн.4, 3 1005b 20-25)⁶. Законы логики – это аксиомы, которые не требуют доказательств.

Аристотель делает важный шаг, различая противоположности (*enantia*) и особый вид противоположностей, который он назовет противоречием (*antiphrasis*). Противоположности имеют между собой нечто среднее, а противоречие не имеет. На современном языке противоположности, предполагающие нечто среднее, можно определить как крайние проявления линейного свойства, обладающего интенсивностью. Пары противоположностей, способные

⁵ Аристотель. Категории // Аристотель. Собр. соч. в 4-х т. Т. 2. 1978. С. 87.

⁶ Аристотель. Метафизика // Аристотель. Собр. соч. в 4-х т. Т. 1. 1975. С. 125.

переходить друг в друга, Аристотель называет родовыми (другими словами, линейное свойство задает род для противоположностей). Для понимания учения Аристотеля о противоположностях и противоречии имеют принципиальное значение парные категории: бытия в возможности и бытия в действительности, необхо-

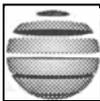
димого и привходящего (случайного). Все вещи (и явления) можно поделить на действительные (актуально существующие), возможные (только возможные, виртуальные) и потенциально возможные (способные к переходу в актуальное состояние, реально возможные). Закон противоречия распространяется на бытие в действительности, но ограничен в отношении бытия в возможности. Аристотель принимает тезис своих предшественников о том, что все возникает из противоположных начал, но придает ему оригинальную аналитическую трактовку, последовательно проводя родо-видовой принцип в отношении противоположных начал. Анализ текстов показывает, что понятие противоположностей у Аристотеля многозначно, в нем задействованы логический, методологический, познавательный, онтологический и практический аспекты.

Западная рациональность восприняла идеалы классической греческой философии относительно аналитического стиля в его логическом варианте: установки классической рациональности ориентировали на поиск истины, открытие фундаментальных законов природы, их описания в обобщенных формулах, логика понималась как инструмент достоверного знания. В других сферах культуры принципы логики используются шире – не только в целях познания и творчества, но и в общении (коммуникации) и обучении. Логика как органон мышления становится фундаментом познания, логика в общении изучается теорией аргументации. В инновационной педагогике логика зачатую используется в неспецифических целях: логическими средствами преднамеренно конструируются парадоксы, которые призваны активизировать интуицию и обновлять мышление. Первыми, кто оценил эту парадоксальную роль логики, были софисты. В философии Кант использовал логику при конструировании антиномий разума, демонстрируя тем самым ограниченность самого разума.

Логическая традиция на Востоке складывалась с перенесением акцентов на вероятное и возможное (а не достоверное), на конкретное (ситуативное, окказиональное), а не общее. Так, в суфийской традиции придавалось большое значение воспитанию умения воспринимать целостность и богатство конкретной ситуации. Легендарный герой Ходжа Насреддин высмеивает абстрактные, отвлеченные формулировки истины, настаивая на ее конкретности и относительности, соотносённости со временем, местом, говорящим, слушающим и пр. Эта установка на конкретность сочеталась с принципом единства многообразного.

В

ду-

ховной суфийской традиции борьба с догматизмом и воспитание гибкого творческого мышления, сочетающего спонтанность с дисциплинированностью, мыслились как путь к самосовершенствованию⁷.

В качестве примера специфически восточного отношения к знанию и логике рассмотрим древнейшее индийское учение джайнов. В *джайнизме* взгляд на принципиальную вероятность всякого познания получил наименование *сьяд-вады*. Всякое суждение дает нам лишь возможное, или *сьяд*. «Мы не может что-либо абсолютно утверждать или отрицать по поводу любого объекта. Нет ничего определенного, что может быть высказано о бесконечной сложности вещей. Эта теория подчеркивает исключительно сложную природу реальности и ее неопределенность»⁸. Комбинации пары противоположностей утверждения и отрицания, как взаимные, так и с другой парой – определенностью (предикативностью) и неопределенностью (непредикативностью) образуют семь способов высказывания о вещи и ее атрибутах в соответствии с определенной точкой зрения. «Имеется точка зрения, исходя из которой субстанция или атрибут: 1) есть, 2) не есть, 3) есть и не есть, 4) непредикативна, 5) есть и непредикативна, 6) не есть и непредикативна и 7) есть, не есть и непредикативна». В транскрипции языка-оригинала: *сьяд асти, сьяд настй, сьяд асти настй, сьяд авактавья, сьяд асти авактавья, сьяд настй авактавья, сьяд асти настй авактавья*. Составные значения фиксируют сложность ситуации и проводят идею амбивалентности каждой вещи в мире полярностей. В одном из прочтений принципиальная неопределенность случая четыре выражена забавной формулировкой: «ничего нельзя сказать, кроме того, что нельзя определить».

То, что на Западе, считается неспецифичным, выходя на периферию *main stream*, на Востоке вполне законно. В дзен-буддизме особые логические конструкции коаны преследуют цель «раз-

⁷ См., например, Шах И. Учиться как учиться. Психология и духовность на суфийском пути. М., 1999.

⁸ Радхакришнан С. Индийская философия. В 2-х т. Т.1. М., 1993. С. 254.

монтировать» мышление, выйти на иные уровни сознания (в иные психические реальности). Оговоримся, что европейский интеллект, воспитанный в аналитических и диалектических традициях, вполне правомерно усматривает в школьных традициях Востока в отношении к противоположностям сходные с западными стратегии мышления⁹. Но имеются и оригинальные стратегии. В буд-

дизме Махаяны парадоксальная («незнаковая») логика призвана вести к осознанию мысли о существовании «запредельной мудрости» (праджняпарамита) «чистого сознания», состояний вне форм. Приведу один из речевых оборотов, характерных для буддийских текстов Махаяны. Учитель, обращаясь к ученику, поясняет учение Будды: «Субхути, Так Приходящий проповедовал о высшей парамите как о не-высшей парамите. Это и называют высшей парамитой»¹⁰. Поясняя буддийское учение, исследователь Торчинов обращает внимание на его две существенные черты¹¹:

(1) Постулирование иллюзорности феноменального мира и познания. Все эмпирическое познание имеет своим объектом только представления-понятия, а не истинно-сущее. Всякий описываемый объект с «абсолютной» точки зрения нереален. «О чем говорится, как об “А”, не есть “А”. Это (потому) и называют “А”». Название и смысл есть, но обозначение в корне неверно.

(2) Особое понимание срединного пути. Закон исключенного третьего не действует в самой предельной трансцендентной реальности, в рассуждения вводится особая область – промежуточная между крайними позициями “А” и “не А”. Эта промежуточная область – середина – не является промежуточной в смысле линейного свойства, когда плавно переходят от одного противоположного полюса к другому. Эта область, находящаяся за пределами всякой возможности обозначения, служит указанием того направления, к которому должен стремиться буддист, желающий уйти от феноменального. Отсюда название – «незначная логика» или логика, уводящая от знаковости.

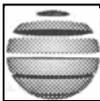
В контексте компаративистских исследований по-новому встает вопрос о законах логики. В научных спорах этот вопрос

⁹ Майданов А.С. Коаны чань-буддизма как парадоксы. Майданов А.С. Коаны: стиль и смысл // Противоположности и парадоксы. М., 2008.

¹⁰ Алмазная праджняпарамита-сутра (Вадж[чхедика]-праджняпарамита-сутра) // Психологические аспекты буддизма. Новосибирск, 1986. С. 58.

¹¹ Торчинов Е.А. О психологических аспектах учения праджняпарамиты (на примере «Ваджрачхедика-праджняпарамита-сутры») // Психологические аспекты буддизма. Новосибирск, 1986.

звучал так: являются ли законы логики эмпирическими, соотносенными с внешним опытом в объективно данном физическом мире? Или же законы логики – теоретические утверждения, регулирующие интеллектуальную деятельность, осуществляемую с помощью языка? Предпосылками такой постановки вопроса служит фиксация опыта во внешнем, физическом окружении, утверждение о существовании теоретической реальности и соответст-

вующих способностей, обслуживающих этот опыт. Но в буддизме Махаяны конструктивная логическая способность используется для указания на возможность трансцендентного опыта (трансцендентного для main stream культуры).

Небезынтересно обсудить вопрос о природе законов логики, сравнив позицию Махаяны с позицией русского логика Н.А. Васильева (1880–1940), который писал: «Эмансипация логики от влияния Аристотеля началась только в XIX в. <...> Сейчас становится все более ясным, что необходимо пересмотреть доктрину классической логики о законах мышления, углубиться в природу четырех фундаментальных законов мысли». Сам мыслитель утверждал, что он занимает промежуточную позицию в спорах о природе логических истин, полагая, что некоторые законы относительны, а другие нет. Васильев показывает, что закон противоречия имеет два различных смысла. Он используется в отношении суждений: ни одно суждение не может быть одновременно истинным и ложным. В другом смысле этот закон говорит о невозможности одновременного утверждения и отрицания, в таком случае речь идет о вещах и явлениях. Ощущения, связанные с эмпирическим опытом всегда положительны, по существу, *язык телесных ощущений недвойственен*. Скажем, когда говорят, что эта вещь не белая, то восприятие нам дает образ вещи иного цвета, но не белой. Васильев предлагает различать эмпирический и теоретический уровень закона противоречия. Наука XX в. осознала возможности теоретического конструирования, высокой степени независимости мира идей от физического восприятия вещей. Эта тенденция коснулась и логику. Свою систему Васильев назвал воображаемой логикой. Она выстраивается по законам теоретического конструирования, прямо не связанным с эмпирическим опытом. В концепции Васильева эмпирическая реальность недвойственна, в учении Махаяны трансцендентальная реальность также недвойственна, двойственен язык логики. Законы логики подчиняются нормам теоретического конструирования в западной ментальности (этому соответствует план мыслеформ и мыслеобразов в иерархии реальностей буддизма), во внешней эмпирической практике теоретическое конструирование переходит в инженерию – объективацию конструкций. В учении Махаяны процесс теоретизирования выводится в противоположное направление: любое оперирование представлениями-понятиями снимается в самом предельном трансцендентном опыте. Психо-реальность мысли выступает общим знаменателем и в отношении к объективной реальности и в отношении внутренних психореальностей. За восприятие двойственности отвечают ментальные процессы.

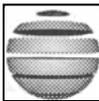

ХОЛИСТИЧЕСКИЙ СТИЛЬ В ЗАПАДНОЙ И ВОСТОЧНОЙ КУЛЬТУРНЫХ МОДЕЛЯХ

Исторически, принцип целостности и единства многообразного для восточного мышления являлся приоритетным, но имелись различия в культурных образцах. В индийских философских школах относительно двойственности/недвойственности, а также соотношений единого и множественного занимались разные позиции, но если судить крупномасштабно, то нельзя не отметить утверждение идеалов последовательного холизма или *тождества противоположностей*. Считается, что философия веданты наиболее связана с религией Индии и «намного более живуча в этой стране, чем какие-либо другие системы мысли»¹². Пример последовательного монизма – адвайта-веданта Шанкары (адвайта – недвойственная). Согласно Шанкаре, существует только одна подлинная реальность – Бог. Ниргуна Брахман (*nirguna Brahman*) Шанкары – абсолют, лишенный каких-либо качеств. Все в мире переменчиво, все возникает, развивается и уничтожается, только основание всего остается вечным, неизменным, неуничтожимым. На языке недвойственности говорить о противоположностях и множественности не имеет смысла. Свое учение о недвойственности Шанкара создавал, опираясь на опыт высокой йоги уровня чистого сознания, и передавал лишь ученикам, достигшим определенного уровня нравственного и умственного развития. Вопросы о статусе объективной и субъективной реальности в научном

¹² Радхакришнан С. Индийская философия. В 2-х т. Т.2. М., 1993. С. 382. См., также: Мезенцева О.В. Концепция бога в индийской философии нового и новейшего времени // Универсалии восточных культур. М., 2001. дискурсе породили проблему стратификации реальности в адвайте-веданте и уровнев истинности¹³.

Учение об исключительной роли единого в мироздании – эманации множественных миров из единой первоосновы, циклы развертывания и свертывания космической активности («дни и ночи Браммы»), субстанциональное поддержание жизнедеятельности и общей эволюционирующей целостности, – наиболее древнее в культурной истории человечества. Принцип единственности утверждался в древнейших учениях Ближнего Востока, в древнегреческой мысли связан с традициями досократиков, орфиков,

Платона, Плотина, учение о тождестве противоположностей в эпоху Возрождения воскрешается в трудах Николая Кузанского, в немецкой классической мысли к нему обращается Шеллинг, а на русской почве возрождается в учении о всеединстве Вл. Соловьева.

Сегодня компаративистика одно из увлекательных интеллектуальных занятий, и читая «Эннеады» Плотина, совсем нетрудно заметить удивительные параллели с индийской традицией недвойственности. Излагаемая на ином языке, психо-духовная метафизика Плотина буквально повторяет ступени космогенеза, описываемые в индийской традиции. В центре учения Плотина мысль: «Единое, тождественно сущее везде и во всем присутствует во всей своей целостности». «Как мировая душа, обнимая весь мир, присутствует во всех его существах, сама не делясь и не выступая из себя, так и высочайшее Первосущее вездесуще лишь в том смысле, что оно проникает и удерживает собой все прочее, пребывая неизменно в самом себе, в единстве своего существа. То “везде”, в котором оно всегда есть, – оно само. И как его единство не исключает, а, наоборот, производит и обуславливает множественность сущего, так и мировая душа производит множество существ, всегда проникает их своей жизнью, причем ни сама не делится, ни души не утрачивают своей индивидуальности. Того же воззрения придерживались и древние мудрецы»¹⁴.

Как уже было отмечено, диалектические учения выросли из недр холистических представлений, но и здесь Запад и Восток исторически разошлись. Для примера сравним гегелевскую и марксистскую модели диалектики с китайской. Центральным понятием

¹³ Шохин В.К. Стратификации реальности в онтологии адвайта-веданты. М.: ИФРАН, 2004.

¹⁴ Плотин. Избранные трактаты. Перевод с древнегреческого проф. Г.В. Малеванского. В 2-х томах. М., 1994. Т. 2. С. 3.

своей логики Гегель делает понятие диалектического противоречия, понимая под ним крайнюю фазу обострения взаимодействия – точнее – борьбы противоположных начал. Противоречие мыслится как двигатель любого развития. Противоположности *постоянно переходят* друг в друга. Но если становление постоянно, то и обострение противоречий будет повторяться циклически. Переписанная на материалистический лад гегелевская диалектика была использована в целях обоснования необходимости, сначала классовой борьбы пролетариата, а потом неизбежности социального противостояния «наших» – лагеря социализма и «врагов» – лагеря капитализма. В положительном аспекте, занятия диалекти-

кой стимулировали интерес к пониманию законов развития и, прежде всего, к пониманию обусловленности жизни человека социальными факторами. Сделав акцент на становлении и процессуальности, сам Гегель настаивал на возможности компромиссного разрешения противоречий.

С позиций развиваемого нами подхода важно отметить, что предпосылками создания диалектически-противоречивой модели для Гегеля послужила социокультурная конфликтная среда (исторические обстоятельства и их восприятие западным менталитетом). В китайской мысли – иная основа, традиционно в менталитете приоритет отдается единству в «единстве многообразного». Логику классического китайского канона «И цзина» правильней квалифицировать как логику *триединства* или *дополнительности*, а не двуединства противоположных начал, если говорить на языках европейской ментальности. В возникновении гексаграмм из Великого предела нетрудно заметить фрактальную основу символизма – каждый элемент воспроизводит двойственную, светлотемную основу целого. Но при этом приоритет отдается целому, культивируется именно недвойственное мышление. Структурной единицей выступает целостность, отдельный элемент никогда не существует вне целого. Например, нельзя рассматривать текущую ситуацию без предыдущей и последующей. Неблагоприятная комбинация сменяется благоприятной и, наоборот. Вне циклического целого не имеет смысла говорить о благоприятном или неблагоприятном. Еще важная особенность – нельзя сказать, что черное переходит в белое, а белое в черное. Вселенские мироустроительные силы *инь* и *ян* сосуществуют, взаимноисключая друг друга, но *не переходят друг в друга*. В Го юе (V–III вв. до н.э.) *инь-ян* впервые представлены как две ипостаси вселенской энергии *ци* (пневмы), что коррелирует с принципом единосущности. Согласно этой логике, *инь* и *ян* – два взаимно дополняющих аспекта единого – вселенской энергии *ци*.

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МЫСЛИ

XX век оказался временем глобальной встречи Востока и Запада. Познание культур идет через взаимное обогащение и ассимиляцию стратегий мышления. Разворачивание научно-технического прогресса на Востоке способствует ассимиляции аналитических стилей, а интерес к созерцательным практикам во многом стимулирует распространение холистических стратегий на Западе. В наиболее выраженном виде принцип целостности был отражен в принципе дополнительности квантовой теории.

На заре становления квантовых представлений уже сами физики понимали, что физические теории и их язык выражения согласуются с психической организацией человека, с возможностями и границами его телесной чувствительности и возможностями его сознания и мышления. Если классическая физика (и ее язык) отражали вещественное мироощущение человека, которое складывается под влиянием восприятия в диапазоне физических чувств относительно устойчивой физической реальности, то в квантовой реальности о непосредственном наблюдении говорить не приходится. Интеллектуальное и практическое освоение квантовой реальности связано со становлением энергетического мировоззрения, введением новых понятий и новых способов мышления. Об этой принципиально нестандартной ситуации в свое время писал Нильс Бор. Как указывает Бор, создание символического языка квантовой механики было достигнуто путем отказа от причинного пространственно-временного описания, что составляет отличительную черту классических физических теорий, достигших столь глубокой ясности благодаря теории относительности. «В этом отношении квантовая теория была разочарованием, поскольку атомная теория возникла из стремления использовать такой способ описания и для явлений, которые нашим органам чувств не представляются непосредственно как движения материальных тел»¹⁵. В 1928 г. Бор вводит понятие дополнительности. «Хотя изучаемые в квантовой физике явления уже не могут быть связаны обычным образом, можно сказать, что они являются дополнительными друг к другу в том смысле, что только вся их совокупность исчерпывает свойства, присущие объекту, который

¹⁵ Бор Н. Квант действия и описание природы // Бор Н. Избранные научные труды. Т. II. Статьи 1925–1961. С. 56.

допускает недвусмысленное определение. По существу концепция дополнительности представляет собой разумное обобщение самой идеи причинности»¹⁶.

Идеи целостности развиваются в современной науке синергетикой и ноосферным направлением в междисциплинарных исследованиях. Нельзя сказать, что адвайта-веданта оказала непосредственное влияние на научное мышление неклассического и постнеклассического типа XX–XXI вв. Скорее всего, назрела потребность в идеале целостности, которую остро ощущают глобально мыслящие интеллектуалы.

Для примера проведем некоторые сопоставления в отношении холистического понимания центра. Идея всюду распространенного центра известна античности и проходит во всех восточных хо-

листических учениях. «На Востоке, – пишет Т.П. Григорьева, – представление об изначальности Небытия, у которого нет точки отсчета, и не могло привести к дискурсии, к последовательному причинно-следственному ряду и логике, отсюда вытекающей: все здесь и теперь. Точка – мгновенное проявление Единого, соединяя Небо и Землю, преисполнена высшей энергией. Каждая из них центр Бытия. Сколько точек, столько и сущностей, не сцепленных линией, свободных, способных проявить себя неожиданным образом (“неожиданным”, если смотреть снизу, где незаметна жизнь Целого). Каждая из них свободно соединяется с Абсолютом, что и позволяет этим точкам не распадаться, не впадать в дурное множество, как это происходит, когда обрывается связь с Высшим, как его ни назови. В Аватамсаке сутре мир предстает как бескрайняя сеть Индры, украшенная драгоценными камнями, которые блестят при восходе солнца так, что каждая драгоценность отражает все остальные»¹⁷. *Гомеомерия* Анаксагора представляет собой такое единство элементов, которое отражается в каждом элементе и образует единоецельную структуру. У Плотина в сверхчувственном мире каждая идея резонирует на другие идеи, а низший уровень мироздания созерцает высший, в монадологии Лейбница тот же принцип трансформируется в принципе отражения в одной монаде всех других монад и универсума в целом, в космологии Николая Кузанского в бесконечной Вселенной повсюду центр

¹⁶ Бор Н. Идеи Ньютона и современная атомная физика // Н. Бор. Избранные научные труды. Т. II. Статьи 1925–1961. С. 386.

¹⁷ Григорьева Т.П. Синергетика и Восток // Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов. М., 2000. С. 232–233.

и нигде окружность, иллюзии неподвижности Земли создает телесный наблюдатель, находящийся на фиксированной точке – планете или звезде. К идее «центр везде и нигде» приходят и современные космологи. В классической четырехмерной модели А. Фридмана Вселенная расширяется совсем не от одной пространственной точки, а от каждой точки трехмерного пространства. В качестве подтверждающего основания указывают на хаббловское разбегание галактик.

В социальном смысле, идея распределенного центра ведет к отказу от языка двойственности, разделяющего мир и человека. Верна формулировка – «мир в человеке и человек в мире». По выражению буддийского монаха Фа-цаня (643–712) «Мир творится каждым существом. Индивидуум и мир взаимно создают друг друга. Но если многие соединяются в одном, значит, каждый индивид есть центр Вселенной». Индивидуальное сознание, притя-

гивая к себе множественность иных сознаний и жизненных миров, возвышается до универсального. На языке синергетики можно сказать, что центр становится культурным и ментальным аттрактором.

С XX в. интенсивно развивается рефлексивное мышление, предполагающее отражение всего во всем. Осознается многомерность времени, которое мыслится как характеристика параллельно развивающихся и соприкасающихся жизненных миров. Жизнь миров может протекать в параллельных пространствах, в некоторых точках выходя наружу и вливаясь в общий поток видимого мира, подобно подземным водам и родникам. Серийность и многомерная структура времени картинно-наглядно представлена в кинематографе и литературе. В отношении научного творчества можно сказать, что становится актуальным стягивание в точку интуиции и логики, синтеза множественного, умение видеть свой труд и его результат в пространстве культуры-целого.